

К ПРОБЛЕМЕ КАВКАЗСКОГО МЕЗОЛИТА

К. Х. КУШНАРЕВА (Ленинград)

Широко обсуждающаяся в последнее время в советской и зарубежной печати проблема путей становления в различных регионах производящей экономики остается пока не решенной для Кавказа — слишком мал еще объем накопленной информации. Массовые археологические факты, полученные за прошедшие два десятилетия в результате углубленного исследования поздненеолитических и энеолитических памятников Кавказа (конец VI—IV тыс. до н. э.), фиксируют у местных племен уже достаточно развитое оседлоземледельческое хозяйство. Что же касается предшествующих этапов — мезолита и раннего неолита, то изученные в настоящее время комплексы концентрируются «булавочными уколами» в отдельных пунктах Причерноморья, Прикаспия, Предкавказья и Восточной Грузии, оставляя карту Кавказа этих периодов фактически незаполненной. К сожалению, потенциально наиболее интересные и перспективные мезолитические и ранненеолитические памятники Армении, локализующиеся в северо-восточной части Армянского нагорья (в силу их экологического и культурно-исторического единства с другими частями этого огромного региона, где открыты эталонные поселения названных периодов), почти не исследовались, а отдельные известные комплексы¹ ввиду слабой полевой документации и интерпретации вызывают спорное толкование². Это пока исключает большую территорию из поля зрения исследователей.

Тем не менее, известные, хотя и незначительные материалы, которые до сих пор не были сведены в масштабе Кавказа воедино, в какой-то мере дают возможность приблизительно наметить основные направления культурно-хозяйственного развития мезолитических и ранне-неолитических племен. Постановке этой проблемы содействует обращение к возникшим в близких природных условиях (и изученным значительно лучше) памятникам Ближнего Востока, где конкретные археологические факты уже позволили выявить древнейшие вехи истории производящего хозяйства. Именно эти факты указывают, в частности, на глубокую, мезолитическую древность истоков основных отраслей производящей экономики — земледелия и скотоводства.

Эти же материалы в свое время позволили говорить о трех культурно-хозяйственных провинциях в Передней Азии в период зарождения элементов производящей экономики в недрах хозяйства присваивающего типа (памятники мезолитического облика — X—VII тыс. до н. э.)³. Первая локализуется в юго-восточном Прикаспии, где в усло-

¹ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, с. 106.

² А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев. (Рец. на:) С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении.— Советская археология (СА). 1968, № 3.

³ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. Л., 1964, с. 82; он же. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии.— Вопросы истории. 1970, № 6, с. 73; Г. К. Лисицына. Культурные растения Ближнего Востока и Юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э.— СА. 1970, № 3.

виях аридного климата в пещерах и на открытых стоянках обитали бродячие племена охотников и собирателей⁴. Для мезолита этой области зафиксированы и первые шаги на пути domestikации животных (пещеры Белт и Дам-Дам-Чешме II).

Вторая провинция занимает горные и предгорные районы Загроса, по своим природным условиям чрезвычайно удобные для заселения. Узловой ее памятник, Али-Кош в Хузистане (Дех-Луран), дал 6 стадий культурных напластований, в нижней из которых (стадии Бас Мордех) зафиксирован уже оседлый образ жизни, первые шаги в возделывании пшеницы и ячменя и приручении животных⁵. В слое В пещеры Шанидар и на одновременном летнем стойбище Зави-Чеми-Шанидар есть данные о начальной стадии приручения животных и domestikации злаковых⁶. В хозяйстве обитателей населения Умм-Дабагия в Северном Ираке земледелие сочеталось с охотой и скотоводством⁷.

Третья провинция занимает область Средиземноморья. В ее ранних памятниках (Ейнан, Мюрайбит) обнаружены пыльца и зерна злаковых; здесь основой экономики были сборы дикорастущих злаков, сочетающиеся с охотой и первыми шагами в процессе приручения животных⁸. Принципиально новыми оказались палеоботанические данные с поселения Иерихон, где в докерамических слоях А и В обнаружены зерна ячменя и двух видов пшеницы⁹.

В последнее время в результате новых раскопок в Малой Азии были выделены еще две области распространения памятников мезолитического облика — восточноанатолийская и южноанатолийская¹⁰. Первая представлена небольшим количеством поселений, самое раннее из которых, Чайюню-Тепеси¹¹, своим обликом и датировкой соответствует раннему Джармо. Пять фаз Чайюню-Тепеси показывают хозяйство его обитателей в динамике: доминирующая в первых фазах охота постепенно вытесняется скотоводством. Богатая ботанико-географическая зона этого района являлась крайне благоприятной для интенсивного собирательства, в процессе которого были введены в культуру два вида пшеницы. Наконец, в нижних слоях центрального памятника южноанатолийской области — поселения Хаджилар — обнаружены различные виды злаковых и бобовых растений и кости прирученной собаки¹².

⁴ П. И. Борисковский. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана.—В кн.: Труды Ашхабадского гос. университета. Вып. 1, 1947; А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении.—Известия АН ТуркмССР. 1953, №2; С. Сооп. Seven Caves. London, 1957.

⁵ F. Hole, K. Flannery, J. Neel. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.

⁶ A. Leroi-Guheran. Pollen Grains of Gramineas and Cereali from Shanidar and Zawi Chemi.—In: P. I. Uscó, G. N. Dimbleby. The Domestication of Plants and Animals. London, 1969.

⁷ H. Halbeek. Traces of Plants in the Early Ceramic Site of Umm Dabaghiyah.—Iraq, 1972, vol. 34, pt 1.

⁸ W. van Zeist. The Oriental Institute Excavations at Mureybit, Syria.—Journal of Near Eastern Studies, 1970, vol. 29, 3.

⁹ M. Hopf. Plant in Iericho.—In: P. Uscó, G. Dimbleby. Op. cit.

¹⁰ Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко. Палеозтнботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 27.

¹¹ R. J. Braidwood, H. Cambel, C. L. Redman, R. I. Watson. Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey.—In: Proc. Nat. Academy Sci. Vol. 68, № 6. Washington, 1972.

¹² J. Mellaart. Earliest Civilizations of Near East. London, 1965, p. 81.

Обилие новых материалов, полученных с десятков поселений ближневосточной ойкумены, дают основание рассматривать переход к производящей экономике как длительный исторический процесс, проявляющийся в многообразии форм хозяйственной деятельности древних коллективов¹³. Здесь существовали различные модели хозяйств, основанные на сочетании присваивающей и начальных стадий производящей экономики, зарождающейся в недрах первой. Этому в первую очередь способствовал богатейший по разнообразию растительный покров указанных областей¹⁴. Передвигаясь на большие расстояния вслед за сезонными растительными богатствами, подвижные группы собирателей и охотников осваивали различные по высоте экологические ниши, что позволяет рассматривать долины, предгорья и горы как единую экосистему, обеспечивавшую благоприятные условия для жизни человека. Отдельные общины постепенно оседали на земле. На этот важнейший период падают первые опыты приручения животных.

Приведенные данные палеоботаники и палеозоологии, указывающие на то, что в ближневосточной ойкумене первые шаги производящей экономики приходятся на период мезолита, а также установленная близость каменных индустрий Передней Азии и Кавказа в мезолитическое и даже палеолитическое время¹⁵, делают проблему изучения мезолита — раннего неолита Кавказа одной из актуальных и перспективных проблем кавказоведения. При комплексном подходе к ее решению большая роль должна быть отведена трасологическому методу анализа каменных индустрий, открывающему широкие перспективы для установления различных моделей экономики древних обществ. Как известно, с помощью этого метода в последнее время удалось уловить культурно-хозяйственную вариантность различных древних обществ юга СССР¹⁶.

Как уже говорилось, исследованные мезолитические стоянки Кавказа распределяются крайне неравномерно, небольшими группами. Группа таких стоянок локализуется в Причерноморье, где в конце плейстоцена — начале голоцена существовали оптимальные, приближающиеся к современным, условия для жизни человека: теплый, умеренный климат, наличие плодородных почв, полноводные реки, влаголю-

¹³ В. М. Массон. Древнейший Ближний Восток: История сельскохозяйственно-скотоводческой экономики.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

¹⁴ Г. Н. Лисицына. Указ. соч., с. 58.

¹⁵ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— В кн.: Труды Ин-та этнографии. Т. XVI, 1951; D. A. Garrad. The Relations between Southwest Asia and Europe in the Later Paleolithic Age.— *Journal of World History*. 1953, 1; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1958, с. 51; J. Mellaart. *Op. cit.*, p. 16; Н. О. Бадер. О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока. (Доклад на VII МКАЭН). М., 1964, с. 6; он же. Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 142; он же. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита.— СА. 1964, № 4; В. П. Любим. Мустьерские культуры Кавказа (автореф. докт. дисс.). Л., 1975, с. 35.

¹⁶ Г. Ф. Коробкова. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1, Л., 1972; она же. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР (автореф. докт. дисс.). Л., 1982.

бывая субтропическая флора, обилие пещер и гротов, пригодных для жилья, богатые залежи кремня¹⁷. Мезолитические коллективы обживали пещеры, а также основывали открытые стоянки. К пещерным стоянкам следует отнести грот Хупынипшахва¹⁸, соседний грот Кеп-Багаз¹⁹, Ацинскую пещеру²⁰. В последнее десятилетие усилиями грузинских археологов в Причерноморье выявлена серия новых пещерных стоянок: Квачара, Яштхва, Джампала, Дарквети и др.²¹ и первая открытая стоянка Энцери²². Анализ кремневых индустрий и примененный к ним статистический метод дали возможность наметить хронологическую последовательность ведущих форм орудий и выделить в развитии причерноморского мезолита три этапа²³:

I. Ранний мезолит (Квачара, Яштхва, Энцери, 4-й слой Аци) характеризуется увеличением, по сравнению с верхним палеолитом, количества микролитических орудий и микровкладышей. Типичные орудия: концевые скребки, пластинки с боковой ретушью, многофасеточные микрорезцы, граветообразные пластинки, остря с округлым основанием, микронаконечники стрел, костяные дротики и шилья. В убежищах встречаются кости пещерного медведя.

Узловым памятником является расположенная в районе Цебельды пещера Квачара, имеющая протяженность 90 м. Стоянка подвергалась систематическому исследованию²⁴. Обжитая передняя часть пещеры имела два слоя, верхний из которых (ранний мезолит) дал богатый археологический и палеозоологический материал (обитатели лесных и горных зон в условиях теплого климата, среди которых пещерный (80%) и бурый медведь, леопард, лиса, волк, тигр, благородный олень, кавказский тур, дикая коза, косуля, муфлон, хомяк). Орудия кварцита изготовляли из кремня, залежи которого имеются поблизости. Первичная обработка происходила вне пещеры, в убежище же окончательно обрабатывались заготовки. Общим признаком кремневой индустрии является ярко выраженная микролитическая техника (микроскребки, резцы, проколки, пластины, граветообразные орудия, микроорудия, наконечники стрел с боковой выемкой). Квачара характеризуется большим количеством костяного инвентаря — наконечники дротиков, ложила и роговое мотыгообразное орудие.

¹⁷ А. А. Гроссгейм. Анализ флоры Кавказа. Баку, 1936; Н. А. Буш, Е. А. Буш. Ботанико-географический очерк Кавказа. Л., 1936.

¹⁸ Л. Н. Соловьев. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г.— В кн.: Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории. Т. 32. Сухуми, 1961, с. 191.

¹⁹ Л. Н. Соловьев. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа.— В кн.: Вопросы карста на юге европейской части СССР. Киев, 1949.

²⁰ Д. А. Крайнов. Отчет Сочинского отряда северокавказской экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки. 1958.— Архив АН СССР, р-1, № 1830.

²¹ Л. Д. Церетели. Еще одна мезолитическая стоянка в прибрежной полосе Грузии.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа (МАГК). VI, 1974; Л. Д. Неблеридзе. Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978.

²² Г. К. Григолия, Л. Д. Церетели. Мезолитическая стоянка в Энцери.— Мацне. 1967, № 3.

²³ Л. Д. Церетели. Мезолитическая культура Причерноморья Грузии. Тбилиси, 1973.

²⁴ Л. Д. Церетели. Палеолитическая стоянка Квачара.— В кн.: Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГрузССР. Т. VII; она же. Мезолитическая культура..., с. 44.

Отражая глубокие технико-технологические традиции верхнего палеолита, мезолитические орудия Квачары и других синхронных памятников Причерноморья имеют ряд новых прогрессивных черт (резкое увеличение микроиндустрии на фоне уменьшения некоторых верхнепалеолитических форм и преобладание различных микропластинок (70—80%), обилие костяных орудий, в частности орудий составного типа). Эти черты стоят в прямой связи с процессом зарождения новых технических приемов в обработке кремня, а также прогрессивных методов труда. Особое внимание привлекает мотыгообразное орудие из оленьего рога, служившее для рыхления почвы.

II. Развитой мезолит, представленный пока одним памятником (навес Джампала), связывает ранние и поздние комплексы. Коллекция каменных изделий сравнительно небольшая, характеризуется увеличением округлых микроскребков, появлением четких трапеций и резцов на сегментовидных пластинках, а также орудий из гальки. Характер орудий становится более микролитическим. Почти полностью исчезают кости пещерного медведя.

III. Поздний мезолит прослеживается по таким стоянкам, как грот Хупынипшахва, Ачинская пещера (III слой), Дарквети (V слой) и Апианча. Индустрии в большом количестве содержат микроскребки, сегменты и трапеции. Наряду с увеличением типов костяных орудий резко сокращается количество пластинок с боковой ретушью и микрорезцов. Спецификой двух первых стоянок является обилие гарпунов и остатков костей рыб.

Особое место принадлежит стоянке в Даркветском навесе²⁵. Это первый хорошо исследованный многослойный памятник, содержащий культурные отложения четырех эпох (поздний мезолит — ранняя бронза). Позднемезолитический слой (V) насыщен такими орудиями, как концевые скребки, асимметричные треугольники, пластинки с притупленной спинкой; встречаются тонкие и узкие отщепы и осколки, микролитические пластинки. Здесь же найдено грузило, пращевые камни. Среди остеологических остатков — кости благородного оленя, косули, дикого кабана, медведя, дикого барана и козы. Чрезвычайно важным моментом является то обстоятельство, что позднемезолитический слой Дарквети перекрыт слоем раннего неолита, содержавшим кремневые орудия (тонкие, правильные микролитические пластины, концевые и округлые скребки и др.), выполненные в мезолитических традициях. Встречены и новые формы — орудия из рога, полированный топор, зернотерки, а самое главное — кости домашних животных.

Ненарушенная последовательность ранних слоев Дарквети, традиционализм основных форм каменных индустрий, появление в неолитическом слое орудий из рога, зернотерок и костей домашних животных ставят при решении проблемы зарождения производящего хозяйства в Западном Закавказье этот памятник в особое, ключевое положение.

Иную картину представляет группа мезолитических стоянок глинной части Грузии, бассейна р. Храми (Триалети) — Бармаксызская стоянка²⁶, а также стоянки Эдзани-Зуртакети²⁷. Сосредоточенные в иных геоклиматических условиях, они содержат специфический фаунистический материал. В отличие от полосы Причерноморья, где обитали представители лесных и горных пород животных, здесь преобладали

²⁵ Л. Д. Небиеридзе. Указ. соч.

²⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 122.

²⁷ М. К. Габуния. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1975.

животные степных и полустепных областей²⁸. Не проявляется единство и в индустриях двух территориально опдаленных групп стоянок. Индустрия Эдзани, основанная преимущественно на таком сырье, как обсидиан, в большом количестве содержит верхнепалеолитический материал, чего не наблюдается в Причерноморье²⁹. Вместе с тем статистический метод выявил резкое преобладание прогрессивных форм, а также определенное своеобразие инвентаря³⁰: здесь преобладают геометрические формы, представленные лишь единицами на западе; среди них наибольшее распространение имеют асимметричные треугольные микролитические вкладыши; значительное место занимают орудия, которые «по уровню обработки и общему характеру больше отвечают техническим и хозяйственным потребностям неолита, чем верхнего палеолита»³¹.

Мезолитические стоянки третьей группы локализуются в верхнем и среднем течении Риони. Это преимущественно пещерные стоянки (Кведи, Цона³², Банетура, Сагварджиле, Чахати³³). Они исследованы значительно хуже, чем стоянки Причерноморья и Восточной Грузии. Орудия (пластинки с притупленным краем, сегментовидные и треугольные вкладыши, микропластинки без ретуши, скребки, фреззы) изготовлялись из кремня. Окончательное культурно-хронологическое место этой группы стоянок будет определено по мере накопления материала. Их инвентарь как будто сочетает черты первых двух групп. Здесь больше, чем в Причерноморье, скребков на отщепках, пластинок с притупленным краем, геометрических форм. В отличие же от Триалети, в рионских стоянках изобилуют проколки, остря, но отсутствует большое разнообразие микролитов. Судя по ряду признаков, первая и третья группы стоянок стоят ближе друг к другу, вторая же резко отличается от них. Это подчеркивается также характером сырья: в Причерноморье и в Рионском бассейне использовался кремь, в Триалети — обсидиан.

На основании анализа инвентарей описанных групп стоянок появляется возможность приблизительной реконструкции хозяйственной деятельности проживавших в них человеческих общин³⁴. Определяющим для этой деятельности была экологическая среда, имеющая в каждом районе свою специфику, а также традиционализм в использовании конкретного сырья и технике изготовления орудий. В Причерноморье, где в рассматриваемый период был теплый умеренный климат, т. е. оптимальные условия для жизни человека, в зависимости от места расположения стоянок складывался свой хозяйственный уклад. Стоянки, как правило, располагались в ущельях, в высокогорных местах и при-

²⁸ Н. И. Бурчак-Абрамович. Фауна эппалеолитической стоянки в Триалети.— Сообщения АН ГрузССР. Т. XII, № 52, с. 93; Н. И. Бурчак-Абрамович, О. Г. Бендукидзе. Фауна эппалеолитической стоянки Зуртакети.— Сообщения АН ГрузССР. Т. 55, № 3, 1969.

²⁹ М. К. Габуния. Палеолитические остатки из Эдзанского навеса.— Мацне, 1964, № 5.

³⁰ М. К. Габуния. Результаты применения статистического метода к изучению Эдзанского мезолитического комплекса.— МАГК. VI, Тбилиси, 1974.

³¹ М. К. Габуния, Л. Д. Церетели. Мезолит Грузии.— Краткие сообщения Ин-та археологии. Вып. 149, М., 1977, с. 34.

³² А. Н. Каландадзе. Цонская пещера и ее культура.— В кн.: Пещеры Грузии. Тбилиси, 1965.

³³ Н. З. Бердзенишвили. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалтитела. Тбилиси, 1964.

³⁴ М. К. Габуния, Л. Д. Церетели. Указ. соч., с. 40.

урочены к бассейнам рек. Близость леса к стоянкам Квачара и Яштух явилась определяющей в сложении ведущей отрасли хозяйства — охоты. Вместе с тем, наличие в Квачаре мотыгообразного орудия для вскапывания земли документирует усложненное собирательство. Иной облик хозяйства воссоздается для обитателей абхазских стоянок и Ашинской пещеры. В гроте Хулынипшахва, например, обилие гарпунов и остатков костей рыб указывает на ведущую роль рыболовства. Охотный промысел и собирательство здесь были подсобными. Население открытой стоянки Энцери базировалось главным образом на собирательстве. Другими словами, в пределах одной Причерноморской группы намечаются по крайней мере три модели хозяйства. В районе же Триалети, где существовал умеренно теплый сухой климат, а вдоль рек располагались пойменные леса, ведущей отраслью хозяйства было рыболовство, которому сопутствовали охота и собирательство.

Наконец, еще несколько территориально оторванных стоянок зафиксированы в одном из самых восточных пунктов Южного Кавказа — в убежищах Кобустана³⁵. Стоянки Фируз 1 и 2 располагались под скальными навесами в районе горы Кичикдаш³⁶. Нижние слои стоянок насыщены микролитической индустрией (трапеции, скребки, нуклеусы для получения микролитических пластинок, сами пластинки, микроострия со скошенным и прямым основанием, проколки, сверла, полукруглые сегменты и пр.). Здесь же орудия из гальки — терочники и куранты, грузила, ударные орудия для выбивания на скальных изображений. Последние, так же как и в убежищах 3 и 5, были открыты под наносным слоем во время раскопок. На стоянке Фируз 2 расчищено более 50 рисунков, среди которых уникальны изображения диких кабанов. Стратиграфически уточненные, эти изображения сегодня являются наиболее древними на скальными изображениями всей кобустанской «картинной галереи». Фаунистические остатки стоянки Фируз 1 представлены костями диких животных (кулан — 50% всех костных остатков; джейран, бык, горный козел, лиса, волк, тюлень). Таким образом, здесь занимались охотой, рыболовством и, судя по находкам терок-курантов и микролитических орудий, усложненным собирательством.

Обзор кавказских мезолитических стоянок будет далеко не полным, если не привлечь синхронные памятники, находящиеся с севера от Кавказского хребта. Имея свою специфику, они значительно обогащают наше понимание этого сложного и пока еще мало изученного периода. Мезолитические стоянки Северного Кавказа открыты в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестане, Прикубанье. Продолжая верхнепалеолитические традиции использования под жильем пещер и навесов, северокавказские мезолитические общины обосновывались часто в тех же «насиженных» местах. Такова, скажем, стоянка грота Сосруко, где слои мезолита перекрывают верхнепалеолитические отложения³⁷. Аналогичная картина наблюдается в Чохе. Наряду с многослойными стоянками встречаются и однослойные — «навес у алебастрового заво-

³⁵ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 42.

³⁶ Д. Н. Рустамов, Ф. М. Мурадова. Раскопки в Кобустане.— В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971; Ф. М. Мурадова. Кобустан в эпоху бронзы. Баку, 1979, с. 11.

³⁷ С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955.— В кн.: Уч. зап. Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та (УЗКБНИИ). Т. XIII, 1957.

да», Козьма-Нохо и Мекеги в Дагестане, Учкулька в Прикубанье и Шав-Левет в Юго-Осетии³⁸.

Кремневые индустрии этих стоянок характеризуются такими формами, как крупные сегменты, угловые резцы, округлые микроскребки, карандашевидные нуклеусы и пластинки с притупленным и выемчатым краем. Встречаются обломки костяных дротиков с пазами для пластинок — типичного охотничьего оружия верхнепалеолитического и мезолитического человека Кавказа и Крыма. О ведущей роли охоты говорят фаунистические остатки: кости горных козлов и баранов, косули, благородного оленя, лося, кабана, медведя, зайца³⁹.

Параллельно с охотой и в определенной мере как результат истребления поголовья животных новыми эффективными приемами здесь возникает собирательство. Зарождение его на Кавказе, как и на Русской равнине, падает на позднепалеолитическое время, что видно из скопления на стоянках раковин *Nilex*, употреблявшихся в пищу⁴⁰. Такие скопления зафиксированы в гроте Сосруко и в Ацинской пещере. В позднемезолитическом слое Сосруко была сделана уникальная находка, указывающая на практику у обитателей стоянки усложненного собирательства растений. Это костяной нож с вставленными в него микропластинками, квалифицированный как «первое наиболее раннее достоверное жатвенное приспособление, найденное в СССР»⁴¹.

Будучи классической страной гор, Дагестан одновременно характеризуется значительным разнообразием естественно-географических условий — низменность, предгорья, область внутреннего Дагестана и высокогорье⁴². Теплый, сухой, близкий к современному климат с достаточным количеством осадков в вегетационный период, разнообразие ландшафтов, богатство пригодных для охоты видов животных, обилие удобных для жилья естественных убежищ способствовали здесь деятельности человека с древнейших времен.

Немногочисленные мезолитические стоянки Дагестана составляют прочную подоснову местного неолита. Среди них ведущее место принадлежит расположенной в горах, на высоте 1600—1800 м Чохской стоянке. Расположение ее на небольшой террасе каньонообразного ущелья, защищенной от холодных ветров, обогреваемой солнцем, отлично замаскированной на местности, находящейся вблизи воды и охотничьих угодий, показывает, что древние обитатели высокогорий, так же как и мезолитические общины других вертикальных зон Кавказа, при выборе места для стоянок исходили из конкретных требований. Этим же требованиям соответствует топография и некоторых мустьерских стоянок, что наглядно указывает на использование накопленного за длительное время опыта, связанного со спецификой охотничьего уклада хо-

³⁸ С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Археологические исследования в 1957 г. в Баксанском ущелье.— УЗКБНИИ. Т. XIII, 1957; В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1967, с. 162; В. П. Любин. Первые сведения о мезолите горного Кавказа.— В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 126, 1966.

³⁹ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М., 1959, с. 111, 193, 195.

⁴⁰ А. Н. Рогачев. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине.— В кн.: Антропологическая реконструкция и современные проблемы палеоэтнографии. М., 1973; С. Н. Бибиков. Об использовании улиток *Nilex* в позднепалеолитическое время.— МИА, № 2.

⁴¹ С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.— СА. 1962, № 3, с. 23—24, прим. 96.

⁴² Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской АССР, Махачкала, 1926.

зяйства. При выборе стоянки Козьма-Нохо человек стремился обезопасить себя от нападения. Наконец, еще одна стоянка горного типа находится у сел. Мекеги, на мысу каньонообразного ущелья — древнего русла реки. Последние две стоянки подверглись лишь разведочным раскопам, поэтому основой для изучения мезолита Дагестана пока остаются материалы Чоха.

Чох — единственная в Восточном Кавказе стоянка каменного века с ненарушенным культурным слоем. Она в свое время исследовалась В. Г. Котовичем, датировавшим ее культурные отложения верхним палеолитом и мезолитом⁴³. На основании некоторых форм орудий и сланцевой рукоятки древнего серпа в верхнем слое В. Г. Котович считал, что именно эти реалии фиксируют момент зарождения экономики производящего типа в мезолите. Находки же керамики в этом слое исследователь трактовал как переотложенные. Огромный процент отходов производства, а также наличие нуклеусов и различного рода заготовок в верхнем слое указывают на то, что Чохская стоянка была одновременно мастерской по изготовлению кремневых орудий, составлявшему, наряду с добыванием лищи, важную отрасль производственной деятельности. Организация подобных стоянок-мастерских в мезолитическое время опиралась на использование тысячелетних традиций. Примерно такого же типа памятники формируются уже в нижнем палеолите⁴⁴.

Экономическую основу древних общин Дагестана составляла охота, документируемая на всех стоянках остатками разнообразной фауны; так, 99% костных остатков Чоха принадлежат не крупным парнокопытным — муфлонообразным баранам и козлам, обитавшим главным образом в высокогорных районах Кавказа⁴⁵. Рядом с ними — кости обитателей других ландшафтных зон (лесной, степной), что указывает на большую мобильность охотничьих коллективов и использование ими обширных угодий. Охотники были оснащены разнообразным составным комбинированным метательным оружием, основанным на вкладышевой технике, что прекрасно характеризуется преобладанием различного рода микропластинок, призматических и конических нуклеусов. Встречаются скребки для обработки шкур животных. Почти полное отсутствие костяных орудий, характерных для мезолита Причерноморья, а также малочисленность орудий для обработки кости (резцы, резцы-скобели) подчеркивают локальное своеобразие мезолита северо-восточного Кавказа. По-видимому, основой для изготовления метательного оружия служило дерево, которое обрабатывалось с помощью находимых на стоянках рубящих дисковидных орудий и орудий типа стамесок. Выявленные среди каменного инвентаря вкладышевые жатвенные орудия (определения Г. Ф. Коробковой), типология каменного инвентаря, а также сенсационная находка сланцевой рукоятки древнего серпа позволили в свое время исследователям сопоставить эти факты с ближневосточными материалами времени перехода от присваивающего хозяйства к производящему⁴⁶.

⁴³ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. — Уч. зап. Института истории, языка, литературы. Т. 1, Махачкала, 1957; он же. Каменный век..., с. 92; он же. Проблемы культурного и хозяйственного развития древнего населения Дагестана. Махачкала, 1982, с. 129.

⁴⁴ В. П. Любин. Первая находка нижнего палеолита в Ставрополе. — Краткие сообщ. Института истории материальной культуры. Вып. 73, 1959.

⁴⁵ Н. К. Верещагин. Указ. соч., с. 195.

⁴⁶ См., напр., К. Х. Кушнарева, О. М. Джапаридзе. (Рец. на:) Р. М. Муичаев. Кавказ на заре бронзового века. — СА. 1978, № 1, с. 270.

Возобновление археологических исследований в Чохе, осуществленное с помощью геоморфологов, пополненное данными палеоботаники, палеозоологии и споро-пыльцевого анализа, дало основания для принципиально нового исторического осмысления этого памятника⁴⁷. В результате была уточнена стратиграфия Чоха, где выделены два литологических горизонта с мезолитическим материалом. Его изучение — задача ближайшего будущего. Принципиально новым оказалось наличие неолитического слоя, объединяющего два верхних («мезолитических») слоя старой стратиграфии. Комплекс элементов, обнаруженных в этом слое (стационарные каменные жилища, керамика, земледельческие орудия, зерна хлебных злаков), дал основание для определения нового культурно-хронологического места тех неожиданных для мезолита Кавказа чохских находок (сланцевая рукоятка серпа, керамика, кости домашней (?) овцы, жатвенные ножи), которые либо расценивались исследователями (исходившими из переднеазиатских хозяйственных моделей X—VII тыс. до н. э.) как признаки зарождения экономики производящего типа в недрах мезолитического общества, либо не принимались во внимание (керамика). Забегая несколько вперед, отметим, что именно этот раннеолитический комплекс, датирующийся на основании споро-пыльцевого анализа концом VII—первой половины VI тыс. до н. э., впервые проливает свет на такие важные проблемы, как время зарождения и пути становления экономики производящего типа в горном Дагестане.

Если наличие земледелия документируется находками зерен окультуренных злаков, жатвенных орудий, зернотерок в раннеолитическом слое Чоха, то вопрос о времени зарождения скотоводства пока остается открытым. Остеологические остатки из раскопок последних лет ждут своего определения. Только после этого можно будет окончательно решить вопрос о принадлежности костных материалов из старого раскопа к тому или иному (мезолитическому или неолитическому) слою. Напомним, что подавляющее большинство определенных костных остатков из раскопок В. Г. Котовича принадлежит некрупным парнокопытным — муфлонным баранам (78%) и козлам, бывшим здесь основным объектом охоты. Последнее также подтверждается мотивами росписей расположенного неподалеку грота Чинна-Хитта⁴⁸. Эти же животные были основным объектом охоты у обитателей стоянок Мекеги и Козьма-Нохо. Кроме того, в Чохе обнаружены кости благородного оленя, зубра, кавказского тура, кабана, зайца, хомяка, рыси.

Отсутствие в распоряжении зоологов четких морфологических критериев диких и одомашненных животных и особенно их переходных форм⁴⁹ не позволило в свое время Н. К. Верещагину дать категорическое заключение относительно принадлежности костных остатков баранов и козлов Чоха дикой или домашней форме. Определяя их как диких, он одновременно ставит свой вывод под сомнение: «По имеющемуся материалу (астралаги, фаланги) нельзя утверждать категорически,

⁴⁷ Х. А. Амирханов. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе). — В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982; он же. Начало земледелия в Дагестане. — Природа. 1983, № 2.

⁴⁸ В. М. Котович. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976, с. 12.

⁴⁹ M. Jarman, P. Wilkinson. Criteria of Animal Domestication. — In: Papers in Economic Prehistory. Cambridge, 1972; E. Higgs, M. Jarman. The Origins of Animal and Plant Husbandry. — Ibidem; В. А. Шипрельман. Происхождение скотоводства. М., 1980, с. 40.

что мы имеем дело с дикой, а не с одомашненной формой»⁵⁰. Осторожность, с которой высказался зоолог, предостерегает от поспешных выводов, однако его суждение следует иметь в виду при осуществлении дальнейших разработок.

Как известно, первое приручение муфлонов и безоаровых коз связывается с полупустынными и степными районами Передней Азии, где в X—VI тыс. до н. э. кочевали древнейшие овцеводы (средний Натуф, Зави-Чеми-Шанидар, Асиаб, Гандж-Даре, Али-Кош, Джармо). Кости овцы с признаками domestikации открыты в территориально более близких мезолитических стоянках Южного Прикаспия (пещера Белт), Красноводского полуострова (пещера Дам-Дам-Чешме II), а еще точнее — на юге Узбекистана (пещера Мачай). Мезолитом — ранним неолитом датируется горная стоянка Сай-Сайед в юго-западном Таджикистане, где 73% костных остатков принадлежат уже одомашненному мелкому рогатому скоту; близкую картину дал и другой памятник гиссарской культуры — поселение Туткаул. Все эти данные следует иметь в виду в связи с изучением фаунистических остатков западного Прикаспия.

В Причерноморье в пору мезолита таких прямых предпосылок к одомашниванию муфлонов и безоаровых коз не было, ибо здесь главными объектами охоты были дикая лошадь, пещерный медведь, благородный олень, косуля, кабан, баран. Наибольший удельный вес в некоторых причерноморских стоянках имеют кости дикого кабана, на базе чего позднее развивается свиноводство.

Принципиальное значение имеет и другая дагестанская находка — кости собаки в стоянке Мекеги⁵¹. Напомним, что серия наскальных композиций Армении, на которых представлены охотничьи сцены с собаками, а также некоторые стоянки с находками костей собаки, трактуется предположительно как мезолитические⁵². В южном Прикаспии собака уже сопровождала на охоту обитателей стоянки Гари-Камарбанд⁵³, а несколько позднее была приручена жителями Анатолийского плато (Чайюню-Тепеси, III фаза)⁵⁴.

Наконец, совершенно неожиданно острожно высказанное предположение Н. К. Верещагина относительно присутствия костей возможно одомашненной лошади в том же мезолитическом Чохе. Как известно, археология до настоящего времени не предоставляет других фактов, позволяющих говорить о столь раннем ее приручении. По последним данным, самой ранней на Кавказе находкой являются остатки лошади на поселении IV тыс. до н. э. Аликемек-тепеси⁵⁵. В III тыс. до н. э. коневодство, по-видимому, становится здесь одной из отраслей животновод-

⁵⁰ Н. К. Верещагин. Указ. соч., с. 195.

⁵¹ В. Г. Когович. Каменный век..., с. 171.

⁵² С. А. Сардарян. Указ. соч., с. 273.

⁵³ В. М. Массон. К вопросу о мезолите..., с. 168.

⁵⁴ R. Braidwood, H. Cambel, C. Redman, P. Watson. Op. cit.

⁵⁵ Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов. Раскопки холма Аликемек-тепеси. — В кн.: Итоги полевых археологических и этнографических исследований в Азербайджане в 1972 г. Баку, 1973, с. 6.

ства⁵⁶, причем распространение его предположительно рассматривается как результат возможных контактов со скотоводами южнорусских степей⁵⁷. Древнейшие свидетельства domestikации лошади получены на таких энеолитических поселениях левобережья Украины и Среднего Поволжья, как Дериевка (IV тыс. до н. э.), Александрия, хутор Репин и др.⁵⁸ Чохская же находка, отдаленная от наиболее древних находок юго-восточной Европы несколькими тысячелетиями, пока остается своего рода научной загадкой. Таким образом, если в дальнейшем будут выявлены новые материалы, снимающие сомнения Н. К. Верещагина, можно будет говорить о том, что в западном Прикаспии, так же как в южном и восточном, в пору мезолита существовало охотничье хозяйство с элементами перехода к приручению животных.

Параллельно с охотой (а может быть, и с первыми шагами в процессе domestikации животных) обитатели северокавказских мезолитических стоянок занимались усложненным собирательством. В Сосруко оно документируется находкой жатвенного ножа вкладышевого типа. Правда, судя по новой стратиграфии Чоха, аналогичные орудия квалифицируются здесь как принадлежащие раннеолитическому слою, однако это не исключает присутствия подобных материалов, как и в Сосруко, в слое мезолита. Напомним, что среди мезолитических орудий Сосруко и в старых материалах Чоха наблюдается резкое преобладание микропластинок, часть из которых, очевидно, служила вкладышами жатвенных орудий. Вопрос о времени появления жатвенных орудий в Чохской стоянке будет разрешен в процессе новых раскопок и последующего трасологического анализа больших серий каменных орудий. При рассмотрении этого аспекта проблемы следует иметь в виду определяющий фактор произрастания в горах Дагестана и в соседних районах диких эндемичных форм злаковых, введенных в культуру уже в раннем неолите. Естественно, что этому великому хозяйственному преобразованию предшествовал длительный период сезонных сборов этих эндемиков.

Рассмотренные в масштабе кавказского региона мезолитические хозяйственные комплексы, несмотря на их малочисленность и еще недостаточную изученность, как будто дают основания для приблизительного воссоздания моделей экономики в разных его частях. Намечающиеся в первом приближении у территориально разобщенных групп мезолитического населения различные формы хозяйства должны рассматриваться как локальные варианты хозяйственно-культурного типа, соответствовавшего определенному уровню развития производительных сил древних коллективов (как мы видели, еще большее многообразие формопроявлений хозяйственной деятельности, возможно в силу лучшей изученности памятников, наблюдается у древневосточных общин поры мезолита). Указанные материалы как будто уже позволяют впервые ставить вопрос о времени зарождения производящего хозяйства и в кавказском регионе. Этот процесс особенно четко прослеживается по многослойным стоянкам (Чох, Дарквети и др.), в которых раннеоли-

⁵⁶ Р. М. Мунчаев. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

⁵⁷ Е. Е. Кузьмина. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке.— V Всесоюзная сессия по Древнейшему Востоку. Тбилиси, 1971.

⁵⁸ В. И. Бибикина. К изучению домашних лошадей Восточной Европы.— Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический, № 3. М., 1967.

тические слои перекрывают позднемезолитические. Сегодня уже можно говорить о том, что этот эпохальный сдвиг в истории древнего общества Кавказа падает на период раннего неолита (VII—начало VI тыс. до н. э.). Последние находки костей домашних животных в раннеолитических слоях Дарквети, а в случае подтверждения и в Чохе, снимают высказанное недавно суждение о том, что время зарождения скотоводства на Кавказе остается пока неизвестным⁵⁹. В свете новых данных нельзя также принять точку зрения относительно позднего развития кавказского скотоводческого центра по сравнению с другими центрами юга России и Передней Азии⁶⁰.

Находки в раннеолитическом Чохе зерен хлебных злаков, часть из которых была окультуренными местными эндемиками, говорят о том, что ранний этап становления земледелия в горных районах северо-восточного Кавказа к этому времени уже завершился. Именно эти палеоэтноботанические находки подводят базу под выдвинутое в свое время Н. И. Вавиловым положение относительно зарождения земледелия в горных районах, где для этого процесса существовали наиболее оптимальные условия⁶¹. Если раннеолитические памятники Кавказа уже фиксируют момент внедрения экономики нового типа, то истоки ее уходят в предшествующий позднемезолитический период. Судя по археологическим и этнографическим данным, в становлении раннего земледелия большую роль играл период специализированного планомерного собирательства диких растений, когда недалеко от стоянок были стабильные поля и соответствующие орудия для сбора и обработки этих урожаяев. В этот доземледельческий период существовало комплексное хозяйство, в котором усложненное собирательство уже обеспечивало древних общинников необходимой растительной пищей. Люди накапливали эмпирические знания по уходу за растениями, способам их уборки и дальнейшей обработки⁶². Подобная практика, предшествовавшая доместикации растений, знаменовала собой первый этап сознательного земледелия.

В тех районах Кавказа, где имелся комплекс благоприятных условий (теплый климат, наличие диких предков позднее прирученных животных, а также эндемичных растений, введенных затем в культуру), мезолитические рыболовы, охотники и собиратели, по-видимому, находились именно на этом этапе развития, что подтверждается находками таких орудий, как квачарская рогсвая мотыга, терочники и песты, обладанием микропластинок, часть которых, так же как в памятниках Передней Азии, являлась оснащением жатвенных орудий. Технические возможности такого сбора с помощью архаичных вкладышевых серпов с деревянной основой были смоделированы опытами Дж. Харлана, проведенными на склоне горы Карачадаг в юго-восточной Турции. Собранный таким способом за один час урожай равнялся 2,45 кг и содержал 46% чистого зерна. Дж. Харлан при этом утверждает, что древний человек, собиравший здесь пшеницу 12 тысяч лет назад, дол-

⁵⁹ В. А. Шинрельман. Указ. соч., с. 68.

⁶⁰ А. А. Формозов. К истории древнейшего скотоводства на юге СССР.— Труды Московского общества испытателей природы. Т. X, М., 1963, с. 21.

⁶¹ Н. И. Вавилов. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований.— Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, 1931). М.—Л., 1931.

⁶² А. М. Решетов. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев.— В кн.: Ранние земледельцы. Л., 1980.

жен был быть значительно опытнее современного сборщика урожая. Работы на таких богатых естественных полях, как склоны Карачадага, могли производиться в течение 3 недель, в зависимости от вызревания колосьев в разных вертикальных зонах. За это время одна семья имела возможность собрать больше зерна, чем было необходимо для одного года жизни охотникам-собираателям⁶³.

Другой ведущей отраслью хозяйства была охота. При этом в тех районах, где обитали дикие предки домашних животных (тур, муфлон, безоаровый козел), последние, вероятно, сначала приручались, а затем постепенно одомашнивались. Есть точка зрения, что процесс этот протекал на фоне импульсов, идущих из Передней Азии, где формирование этой отрасли хозяйства зафиксировано в более ранние сроки⁶⁴. Наконец, на стоянках, расположенных вблизи водных артерий, ведущее место в хозяйстве занимало рыболовство.

В целом наши познания в области сложнейшей проблемы зарождения производящей экономики на Кавказе еще крайне скудны. На современном уровне знаний ясно лишь общее направление этого величайшего экономического сдвига, поскольку дальнейший прогресс экономики пошел здесь по линии формирования комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Во всяком случае уже в V—IV тыс. до н. э. древние общины стояли на достаточно высокой ступени развития, оставившей далеко позади начальные этапы этого процесса⁶⁵.

ԿՈՎԿԱՍԻ ՄԵԶՈԼԻԹԻ ՀԱՐՅԻ ՇՈՒՐՋԸ

Կ. Բ. ՔՈՒՇՆԱՐՅՈՎԱ (Լենինգրադ)

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Առաջավոր Ասիայի տարածքում արտադրական տնտեսության առաջին քայլերը վկայված են մեզոլիթյան սիսլի հուշարձաններում (մ. թ. ա. X—VII հազարամյակ), որոնք ուսումնասիրված են բավականաչափ լիակատար: Կովկասում անցումը երկրագործության և անասնապահության այժմ թվագրվում է վաղ նեոլիթով (Չոխ, Դուրբվետի, VII հազ. վերջ—VI հազ.): Հնարավոր է, որ հետագայում (Կովկասի մեզոլիթին վերաբերող նյութերի կուտակման կապակցությամբ) այս թվագրումը կսրբազրվի, մանավանդ որ էկոլոգիական իրավիճակը, ինչպես նաև մեզոլիթի շրջանի աշխատանքային գործիքները Կովկասում և Առաջավոր Ասիայում միանման էին: Այս հանգամանքը, ինչպես նաև «նեոլիթյան հեղափոխության» հաղթանակի ակնհայտ դրձերի առկայությունը կովկասյան ոեգիոնում գրդել են մեզ առաջին անգամ ձեռնարկելու Կովկասի մեզոլիթյան հուշարձանների դիտարկումը: Հոգավածում քննության են առնված մեզոլիթյան կայանների տարածքային տարբեր խմբերը, նրանց մշակութային պատկանելությունը և նրանցում ապրող կոլեկտիվների տնտեսական գործունեությունը:

⁶³ J. Harlan. A Wheat Harvest in Turkey.—Archaeology. Vol. 20, № 3.

⁶⁴ В. А. Шнирельман. Указ. соч., с. 71.

⁶⁵ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубянишвили. Древние культуры южного Кавказа. Л., 1970, с. 102; Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 80; Г. Ф. Коробкова. Хозяйственные комплексы..., с. 18.